

«Знаете, каким он парнем был...»

Петров Роман Ерофеевич

1920-1945

Гвардии старшина. Артиллерист

«Знаете, каким он парнем был...» Нет, это не слова из известной песни. Так начал свой рассказ о погибшем фронтовике Романе Ерофеевиче Петрове его товарищ по полковой школе военный шофер Матвей Амосович Разуваев.

«Я участник Великой Отечественной войны. Прошел ее всю, от Москвы до Берлина, до победного мая. Пришлось повоевать, и после войны: участвовал в боях за освобождение Чехословакии и города Праги. Все четыре года за баранкой. Служил в 112-й гвардейской танковой дивизии, в той самой, где воевал Роман Петров. Мы служили в разных родах войск. Он артиллерист-бронбойщик, громил немецкие танки, я подвозил снаряды к нашим танкам. Мы делали одно дело, и фронтовые пути наши шли рядом. Имею ли награды? Медаль «За отвагу» имеется. Одна. Орден Отечественной войны получил совсем недавно. Но не обо мне речь. Солдатская судьба милостиво обошлась со мной: я хоть и весь израненный, но живой вернулся. А сколько наших погибших товарищей-героев так и остались не награжденными! За подвигами в пылу сражений не успевали следить. Случалось, что награждать было некому. Командиры наши на той кровавой войне, как веточки, вяли. В лицо их всех помню, а имена не назову. А Роман Петров... Знаете, каким он парнем был?»

Так пришло решение: пусть о нем расскажут письма с фронта и люди, которые знали его в жизни. Им слово, брату и сестрам погибшего солдата: Давыду Ерофеевичу Петрову, Улинее Ерофеевне Тюрюхановой, Капиталине Ерофеевне Куренковой, однокласснице Клере Яковлевне Карпенко, ветерану войны и труда Матвею Амосовичу Разуваеву.

Куренкова Капиталина Ерофеевна.

У нас была большая и дружная семья. Восьмерых детей вырастили на-

ши родители Матрена Кузьминична и Ерофей Артамонович Петровы. Роман старший, 1920 года рождения. А малый, Миша, родился в сорок первом году вскоре после того, как отца призвали в армию. Роман закончил 9 классов. Учиться дальше не пришлось, надо было помогать семье. Еще до войны открылся в нашем районе в селе Малый Куналей первый пионерский лагерь. Романа направили туда работать, а с 1 сентября 1938 года он уже был назначен учителем начальных классов Еланской школы. Он любил детвору и, не имея педагогического образования, тем не менее, сразу нашел общий язык с малышами. Помню, сижу у него на уроке. На черной доске — карта полушарий. Вздумала кому-то из учеников подсказать (я в 7 классе тогда училась), а он строго посмотрел на меня и еще погрозил: нельзя, мол. В Елани Роман быстро сдружился с людьми. Молодые учителя, о которых он будет спрашивать позже в каждом письме с фронта, Мария Егоровна Коробенкова, Клавдия Захаровна Попова, Иван Федорович Разуваев, стали частыми гостями в нашем доме. Как учительская конференция, так у нас праздник. Мать засуетится, бывало, и тесно в доме и бедно, чем гостей принять? Но наварит картошки, молока в кринках на стол наставит и потчует Рома новых друзей. Роман уже на фронте был. Мы сидим как-то с его товарищами в нашей зимовьюшке, а Миша (он только-только говорить научился) стоит в кроватке, за перилки держится и поет:

Ой, германец-оборванец,

Скоро бросишь воевать.

Отпусти братишку Рому

С нами дома побывать

На всю жизнь запомнила нехитрую эту частушку.

Тюрюханова Улинея Ерофеевна.

На действительную службу призвали Романа в 1940 году. Провожали от военкомата. Народу полно — улица ломится, слезы, песни поют, гармошки играют: Подвезли новобранцев на полупанках в город. Мы бежим вслед, плачем. А Рома стоит на открытой машине среди таких же, как он, стриже-

ных парней, улыбается и рукой машет. Не думали мы, что видимся с ним последний раз. Посейчас стоит в глазах: ростиком небольшой, но крепкий, светловолосы и подвижный. живой. Без дела бывало, не посидит. Все с шуткой да прибауткой. Характер беззлобный и веселый. Мать на колхозной работе, а у нас корова суровая была — никого к себе не подпускала. Так Роман наденет мамину курмушку, платком подвяжется, подойник в руки и пошел корову ту доить. Родителей он очень уважал, все пекся о маме, об отце, в письмах с фронта нас наставлял, чтоб учились, не спорили лишний раз и по дому во всем помогали. На каждом письме Романа мама своей рукой делала приписку, когда оно получено. Вот на этом, например: «Получено 6 марта 1943 года. Третье письмо с масленки». В довоенные годы мало кто из старых семейских женщин умел писать и читать. Нашей маме повезло. В 1914 году, когда в Бичуру приехала первая учительница Софья Дмитриевна Пшеничникова, она поселилась в земской, рядом с нашим домом. Позже перешла жить к нам. Софья Дмитриевна и научила маму грамоте. Письма Роману, Давыду и отцу мать писала сама. Сядет на лавку за стол и долго карандашом водит по листочку. А получит ответ, со всеми соседями радость делит.

«26 марта 1942 года. Фронт.

Здравствуйте премоноуважаемые родители, а также дорогие братья и сестры. Уля, Давыд, Капиталина, Петр, Иван, Триня и Миша.

Шлю горячий боевой привет с пожеланием всего наилучшего в вашей дальнейшей работе. Желаю быть здоровыми. Сообщаю, что получил ваше письмо. За это письмо большое спасибо. Дорогая родительница мать Матрена Кузьминична, большое спасибо за Вашу скромную записку. Она для меня в моей настоящей жизни дороже всего. Прочитав ваше письмо, я был очень рад, что мать, которая еще мало знает грамоту, сама пишет своему сыну, сыну, который был любим ею. С моей стороны было много неправильного по отношению к своим родителям. Но что теперь поделаешь? Это было детство, простите меня и пожелайте успехов в моей настоящей военной жизни.

Я живу хорошо. Мои бойцы также живут хорошо, потому что я забочусь о них, а они обо мне. Забота о человеке есть самое главное в военной жизни. Мы живем по закону: один за всех и все за одного.

12 марта получил письмо от тяти, который пишет, что живет хорошо, хотя есть печаль обо мне и о доме. Но ничего не поделаешь. Может в скором будущем отслужит, придет в бригаду и начнет по-прежнему работать.

Вы, дорогие братья и сестры, живите дружно и помогайте матери, которая у нас одна. Никогда не спорьте и не ругайтесь. Если мало хлеба, то продайте «мою» корову, а если надо денег, то я вышлю. Передавайте горячий привет родным и знакомым.

С горячим приветом любящий вас ваш сын и брат Р. Петров»

Мама первая узнала, что Роман погиб. Похоронка ей в руки попалась. Сама она и прочитала: «*Ваш сын, верный воинской присяге, проявив мужество и героизм, пал смертью храбрых и похоронен на западной окраине города Вильну Варшавской области*»

Чуть не в каждом доме такое горе. И на каждых воротах теперь красная звездочка. До самой кончины берегла мама письма сына, его документы и награды.

Давыд Ерофеевич Петров.

Я был подростком, когда Романа призвали на действительную. В войну и мой черед поспел. Служил на Востоке и очень часто получал письма от Рота. Он как старший оказывал мне и семье большую поддержку. Весь свой аттестат, жалование офицерское, высылал семье. Во мне своими бодрими письмами укреплял солдатский дух. Роман очень любил жизнь, был удивительно способным человеком. Он много читал, увлекался спортом, ходил на лыжах, катался на коньках (а коньки-то самодельные, деревянные, с проволочкой по полозьям), имел значок Ворошиловского стрелка. Все это ему на фронте пригодилось. Изредка в письмах прорывалась скрытая печаль о том, что довелось ему увидеть и пережить за лихие годы войны. Много своего и чужого горя повидал. Но надеялся: мы обязательно встретимся. О своих делах он не писал. Но однажды получили мы армейскую газету. Там была большая статья о нем как командире взвода бронебойщиков, его заметка и фотография. Он был снят на передовой, сидит, замаскировавшись в кустах, а в руках держит бинокль. Жалею, что газета не сохранилась. Сохранил я его

письмо ко мне. Брат находился в госпитале. Письмо я переслал домой, мать очень печалилась о нас.

28 августа 1944 года. Фронт.

Многоуважаемый брат Давыд Ерофеевич!

Прими горячий боевой привет с пожеланием всего наилучшего в твоей дальнейшей жизни... Ты меня, наверно, совсем позабыл.

С того времени, как я уехал из дома, прошло почти 5 лет. А за эти 5 лет очень многое изменилось. Особенно много изменила война. Когда я уезжал, ты, можно сказать пацан был, а теперь уж пишешь, что ростом 175 см. А я, брат, наоборот, не вырос, а износился. Вряд ли еще вытяну метр семьдесят. Но ничего. Когда встретимся дома, ты будешь за старшего брата. Для этого советую не брить усы и оставлять бакенбарды. Я, правда, еще тоже выгляжу молодо, но на базаре хороший покупатель лет 36 даст (Роману Петрову было 24 года – Н.К.). Сегодня получил письмо из дома. Пишут, что живут хорошо. Правда, жизнь в тылу и вашу армейскую жизнь я сам хорошо знаю. Дома, наверно, младшим братьям ходить не в чем, потому что негде и не на что купить новое. Да и ты, наверно, рад, когда отправляют в наряд на кухню. Я в мирное время служил на ДВКА, и то были, трудности, а теперь уж говорить нечего.

Браток, многого вам не хватает. Но ничего, это явление временное. Оно пройдет скоро, как дождевая вода. Я нахожусь еще в госпитале. Скоро поеду в свою часть на фронт. А на фронте, конечно, жизнь иная... Жизнь боевая, и от каждого солдата Родина требует много. Но зато Родина и снабжает армию всем необходимым, как боевой техникой, так и в материальном отношении. Питание хорошее и обмундирование не приходится чинить, на это просто нет времени. Дают частенько новое, как говорится, с иголочки. Да, за пройденный путь от Москвы пришлось в госпиталях полежать уже четыре раза. Но все пока благополучно проходит. От ласковых слов сестер милосердия всякая боль заживет и без особых лекарств. Остаюсь чуть не в полной исправности.

Р. Петров.

Пиши письма домой чаще и прописывай, что от Романа, мол, тоже письма получаешь.

Карпенко Клера Яковлевна.

«Я узнала о гибели Романа в апреле 1945 года из письма моей подруги Александры Романовны Степановой. Я в то время после тяжелого ранения

находилась в госпитале в одном из немецких городов. Письмо сохранила. Рассказывая о ребятах нашего довоенного девятого класса, Шура пишет: «Роман Петров убит». Тогда я не могла знать, что мы с ним воевали совсем рядом. Он был в районе Познани, я в Бреслау. Знала его с детства, так как мы жили по соседству и наши семьи много лет дружили. Девять лет, до моего поступления в учительский институт, учились в одном классе. Хорошо помню как переходили в новую двухэтажную среднюю школу. Она была не оштукатурена, всюду со стен висела пакля. Но школа была большая, с просторными светлыми классами, и жилось нам здесь тепло и счастливо. Роман был очень одаренный человек. Сколько у него было увлечений! Он хорошо играл на музыкальных инструментах, участвовал в художественной самодеятельности. У Романа был дар перевоплощения, и я помню его на школьной сцене, где он играл комические и серьезные роли. Роман любил фотографировать, у меня сохранились Фотографии как память о нем и школе. На этом снимке мои одноклассники, ученики Бичурской вредней школы. Мартин Ястребов погиб на фронте. Воевали Беспалов Иван, Молоков Дмитрий, Гнеушев Лаврентий Матвеевич, Афанасьев Лазарь Анисимович — лучший друг Романа. Лейтенант Гавриков Петр Яковлевич сражался под Москвой, под Сталинградом, прошел фашистский плен, бежал, снова воевал. Умер в 1946 году от ран в селе Узкий Луг, где он работал после войны учителем. В центре фотографии Тычков Иван Николаевич, наш учитель, призванный в армию в начале войны. О его судьбе я ничего не знаю. Такова судьба нашего поколения, на долю которого выпала война. И все мы, прошедшие войну, все, кто знал Романа, помним, что где-то в центре Европы есть курган, где похоронен наш одноклассник и земляк Роман Ерофеевич Петров».

Разуваев Матвей Амосович.

«Мы познакомились с Романом Петровым не в Бичуре, хотя, как говорится, топтали с ним одну землю. Познакомились и подружились на Дальнем Востоке на станции Шкотово, где учились в горно-вьючной полковой школе. А из Улан-Удэ, оказывается, на действительную ехали в одном поезде. На ва-

гонах написано, кого куда определили, кого в Морфлот, кого в береговую охрану. Я попал в группу шоферов, он - пехотинцев-артиллеристов.

Полковая школа готовила в основном сержантский состав. В первые месяцы войны, точнее, в августе 1941 года, была сформирована 112-я танковая дивизия. Служба была трудная. От каждого солдата требовалась хорошая физическая подготовка, знания, сноровка.

Октябрь 1940 года.

Дорогие родители!

*Сообщаю, что живем хорошо. Занимаемся, учимся. Сперва показалось трудно-
вато, но ничего, надо осваивать. Я очень не затрудняюсь. Все у меня пока хорошо.
Мама, шибко обо мне не печалься. Ведь я не на войне, а в армии.*

Ваш сын и брат Р. Петров. ст. Шкотово.

25 августа 1941 г.

*Вы пишете, что очень редко стали получать от меня письма. Да, дорогие ро-
дители, в этом месяце я писал всего 2 или 3 письма и то кое-как выбрал время. В на-
стоящее время с учебой управилсь, буду писать каждую пятидневку. Живется труд-
нее. Идут непрерывные и очень сильные дожди. Ботинки плоховатые, обмундирова-
ние сушится часто на себе. За деньги большое спасибо. Я свои, которые получил, за-
писал в фонд обороны. Иногда видимся с бичурскими товарищами, покалякаешь, кому
что пишут, и все немного станет веселей. К жизни армейской привыкли, уже скоро
год как из дома. Вы пишете, что у вас нет чаю и другого всего стало мало в магази-
нах. У нас тоже было мало, а теперь совсем нет. Война. Передайте всем глубочай-
ший привет*

Остаюсь жив и здоров.

Р. Петров

На фронт мы ехали 11 суток, и попали сразу под Москву, между Тулой и Серпуховым. Была осень. Каждый хорошо представляет себе военную Москву, всю оцетинившуюся противотанковыми ежами, затемненную и настоженную. У немцев было большое превосходство в военной технике, но зато мы знали, за что воюем: за нами Москва. Роман прибыл на фронт в должности помощника командира взвода. Его боевая задача — беспощадно уничтожать фашистские танки. А сколько их, было, сегодня знают все: каждые три танка из четырех Гитлер бросил на Москву. Можно только представить, какой была первая встреча бронейщика Петрова с фашистскими танками. Будь он живой, рассказал бы как подбил первый танк. Такое не забывается. Не забыть, как сыграли под Москвой, у Косой горы, наши «Катюши». Великую битву мы держали за Москву. Четыре года встречали новый год в солдатских шинелях. Но год 1942 - самый незабываемый. Наша танковая армия вместе с другими войсками сделала новогодний подарок Родине — освободила Калугу, город на подступах к Москве. Здесь фрицам устроили котел и освободили важный транспортный узел. Все произошло так стремительно, с ходу, что из города, буквально напичканного автомашинами, танками, железнодорожными составами, гитлеровцы были выбиты за двое суток: 30, 31 декабря. Позже слышал, что на станции наши натолкнулись на эшелон из 25 вагонов и в каждом по тысяче чемоданов, с мундирами для участников фашистского «парада» на Красной площади. Я своими глазами видел этот город, забитый рождественскими елками и новогодними подарками для войск фюрера. Видел фашистских вояк после разгрома под Москвой. Зима была великая. Они, как чучела огородные. Они ж в ботинках, в сапожках. Каски обматывают чем попало, закутаны в одеяла, бабьи шали, всякое тряпье. Жалкие, обмороженные «победители».

14 февраля 1942 года. Фронт.

Дорогие родители. Вас, видимо, очень интересует моя жизнь. Я вкратце опишу. Живу я, дорогие родители, хорошо. Зима проходит. Обмундирование хорошее. Здоровье нормальное. Иногда скучаешь по Дому, но вообще-то скучать нет времени. Товарищи, которые были с нашего района, все, со мной. Иногда побеседуем о про-

шлом, вспомним Сибирь и сибирские просторы.

Уля, тебя интересует, где я нахожусь, в Ленинградской или Московской области. В Ленинградской не был, а в Московской пришлось побывать. В настоящее время нахожусь еще дальше. Морозим немцев в российских снегах. Вы просите, чтобы мы быстрее гнали врага с нашей территории. Нет, дорогие родители, мы его не гоним с нашей территории, а беспощадно уничтожаем его здесь, чтоб больше его не существовало. Миллионы фашистов нашли себе могилу в снегах России, а остальные в скопом будущем найдут.

Под Москвой держал Роман первый экзамен перед Родиной. В поединке с танком все решает выдержка и точность, Роман отлично освоил свое дело, в бою был отважен и хладнокровен. В сражении за Москву Роман отличился и получил первую свою награду медаль «За оборону Москвы».

«УДОСТОВЕРЕНИЕ

за участие в героической обороне Москвы.

Товарищ Петров Роман Ерофеевич Указом Президиума Верховного Совета СССР от 1 мая 1944 года награжден медалью «За оборону Москвы». От имени Президиума Верховного Совета СССР медаль «За оборону Москвы» вручена 17 октября 1944 года»

Расскажу о встрече с Романом летом 1943 года. Мы тогда стояли в Курске. Отсюда, из какой-то церкви, доставляли горючее и боеприпасы в город Боян и к нашим танкам под Прохоровкой. Снаряды доставляли ночью, по бездорожью, не зная порой точных ориентиров. Боеприпасы выдавали танкистам насыпом. В таком бою, как на Курской дуге, нормой было не обойтись. Где-то здесь, кажется, в Медвенковском районе, при движении, мы и повстречались с земляком. Сошли с дороги, присели на опушке лесочка. Рядом поле колосится, не ведая, что серпу тут делать будет нечего: обмолачивать его будут гусеницы танков.

— Ну, как дела, как здоровье? — спросил его. Он шутливо ответил:

- Здоров, как бык.

Я уже был наслышан о его отваге и рисковости. Решил немного пооттеречь.

— Ты что же в бою не пригинаешься? Пуля она есть пуля, осколок есть осколок. Зацепит сдуру.

— А я в рубашке родился.

А сам веселый, возбужденный и трубочку курит. Трубка — выточенная из дерева фигурка деда с бородой.

— Кем командуешь? — спросил его.

— Ребят молодых дали из Средней Азии и с Кавказа. Учимся, как точнее попасть в самые уязвимые места «тигра».

Поговорили о том, о сем. Заметил я: у кировских часов, что на руке у Романа, стекло разбито и крест-накрест к циферблату две проволоочки припаяны. Пока сидели, я ему заменил разбитое стекло тонким триплексом. Поблагодарил он меня душевно за этот пустяк, на том и расстались. Я поехал с боеприпасами дальше, он в части остался в этом квадрате.

6 мая 1943 года. Фронт

Нахожусь я жив и здоров. Жизнь течет все вперед и вперед. В данный момент учимся для ведения боя, притом завершающего, с полным разгромом наших «гостей», пришедших для завоевания матушки-России. Последние бои под Сталинградом, в районе Ростова-на-Дону, Воронежа показали, что значит приходить и грабить русского человека. Когда едешь по какой-нибудь дороге по направлению на Запад, то почти ничего кроме разбитых немецких машин и танков не найдешь. В большом количестве валяются немцы, одетые по-зимнему, в женские рубашки, полушубки, а уши у них затянуты косынками. Да, дорогие родители, в настоящее время война совершенно не та. Когда я приехал на фронт, то я не видал ни одного танка, какие есть в настоящее время. А наша русская Катюша... Если вам описать подробно, то вы еще можете не поверить! Нахожусь я в настоящее время там, где теплее (В Курской области Н.К.).

Праздник 1 мая провели хорошо.

Мы не встречались почти год. Меня ранило, да не так, как до того царапало, а досыта нафаршировало осколками. Фашистские «подарки» до сих пор ношу в себе, а шевелить их теперь, врачи говорят, опасно. Мне не вспомнить точно, где произошла наша последняя встреча. Мы уже освободили родную землю и шли с боями по Европе.

Нагруженный боеприпасами, я стоял недалеко от штаба, ждал команды, к каким танкам идти. Передний край близко. Вдруг вижу — Роман! Он очень изменился с последней встречи, возмужал. Здесь он и рассказал, что уже несколько месяцев, как комбриг назначил его во взвод охраны бригадных знамен. Сами понимаете, в такой взвод набирают надежных, особо проверенных, все прошедших бойцов. Это почетная, но небезопасная служба. Неопасной службы на войне нет. На гимнастерке Романа орден Отечественной войны I степени. Награду эту ему вручили за мужество и героизм, проявленные в Курской битве.

«ВРЕМЕННОЕ УДОСТОВЕРЕНИЕ № 818105

Предъявитель сего старший сержант Петров Роман Ерофеевич награжден Приказом по в/танковому корпусу Воронежского фронта № 912/н от 14 июля 1943 года орденом Отечественной войны I степени за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками.

Орден за № 10845.

Подпись вручающего — командир 112-й танковой бригады подполковник Леонов.

16 июля 1943 года».

Роман Петров не вернулся с войны.

Он погиб в январе 1945 года. Откроем Энциклопедию Великой Отечественной и проследим события этого месяца. Варшавско - Познанская наступательная операция, началась 14 января и закончилась 3 февраля. Это важнейшая часть стратегической Висло-Одерской операции.

14 января. Советские войска начали мощную внезапную атаку. В течение часа войска продвигались на 2 - 3 км, к концу дня — на 12 км.

16 января. Фашисты отброшены за Вислу. Вместе с войсками Польской освободительной армии Советская Армия освободила Варшаву. За четыре дня войска Белорусского фронта, в состав которого входил 11-й танковый гвардейский корпус, продвинулись на 100 – 130 км.

18 января. Продолжается решительное преследование врага.

22 января. Танковая армия вышла к сильно укрепленному Познанскому оборонительному рубежу. Этот день 22 января и этот город стали последним рубежом Романа Ерофеевича Петрова. Он так и не узнает, что всего через 6 дней, 28 января, войска их Первой гвардейской танковой армии, прорвав мощный укрепрайон противника, вступят на территорию фашистской Германии. Шесть дней он не дожид до того часа, к которому шел с боями 4 года. Календарь отсчитывал 1311-й день войны. До победы оставалось 107 дней и ночей.

А в Бичуру еще будут идти письма с обратным адресом «Полевая почта». Придут последние письма Романа, придут письма бойцов взвода, которым он командовал. Однополчане клялись: один из залпов, который они дадут по логову фашизма Берлину, будет за их командира.

Прошли годы. Письма Романа Петрова бережно хранят ученики Бичурской средней школы № 1, в которой он учился. Брат погибшего солдата Иван Ерофеевич Петров назвал своего старшего сына Романом. А Матвей Амосович Разуваев, показывая мне Благодарственную грамоту, подписанную маршалом Коневым, с болью заметит: «Доживи Роман до победного дня, обойди он ту проклятую мину, и у него сегодня хранилась бы такая грамота, как священная память о пережитом. И форсировал бы он с нами Одер и Шпрее, участвовал бы во встрече на Эльбе; штурмовал Берлин, освобождал Злату Прагу. Если бы...

Знаете, каким он парнем был!